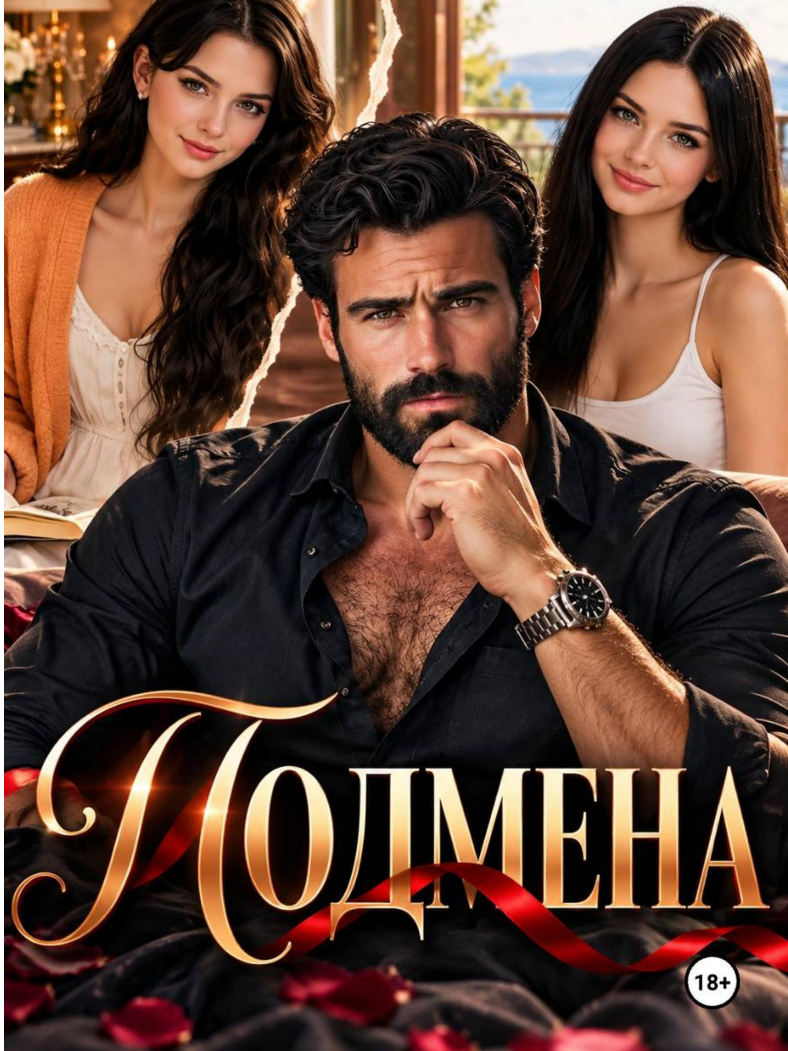

Мегамегафон

ПОДМЕНА

18+

МегаМегафон МегаМегафон ПОДМЕНА

<https://litres.ru/74639058>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эльвира привыкла быть невидимкой. Пока ее сестра-близнец купается в роскоши и собирается замуж за самого холодного миллиардера в городе, она тихо работает в библиотеке и не мечтает о большем.

Но когда сестра сбегает накануне важного ужина, семья заставляет Эльвиру занять ее место. Всего на один вечер. Просто посидеть, покивать, изобразить идеальную невесту.

Она и представить не могла, что этот вечер перевернет всё.

Ренат Холодный не привык всматриваться в женщин. Для него невеста — часть сделки, красивый фасад, не более. Но в этот вечер что-то идет не так. «Эмма» вдруг говорит умные вещи, смотрит иначе, пахнет по-другому. И он не может перестать думать о ней.

Один вечер.

Одна ошибка.

Одна тайна, которая разрушит всё.

Теперь Эльвире предстоит решить: уйти в тень навсегда или остаться в свете, который слепит глаза, но дарит самое дорогое — любовь человека, для которого она всегда была невидимкой.

Только вот человек этот — жених ее сестры.

Содержание

Глава 1. Дубль	6
Глава 2. Чужая роль	13
Глава 3. Чужие правила (от лица Рената)	20
Глава 5. Настоящая (от лица Рената)	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

МегаМегафон ПОДМЕНА

Подмена

Глава 1. Дубль

— Ты издеваешься.

Эльвира смотрела на мать и не верила своим ушам.

— Нисколько, — мать поправила идеальную складку на платье. Она стояла посреди гардеробной Эммы — королевства шёлка, кружева и тысяч евро за погонный метр — и выглядела так, будто происходящее было в порядке вещей.

— Эмма сбежала, — продолжила мать. — Вчера ночью. С каким-то фотографом из Турции. Отец рвёт и мечет, но это не вернёт её за стол переговоров.

— При чём здесь я?

Мать посмотрела на неё долгим, тяжёлым взглядом. Таким она смотрела, когда Эльвира в детстве приносила тройки, а Эмма — победы с конкурсов красоты.

— Ты — её сестра. Вы близнецы. Вы похожи как две капли воды. Сегодня вечером ужин с семьёй Рената. Если Эмма не появится — договорённости полетят в тартарары. Отец потеряет контракт. А Эмма, когда вернётся, потеряет голову. Буквально.

— Пусть теряет! — Эльвира повысила голос. — Я не просилась в эту семью. Я не просилась рожаться второй, некрасивой, незаметной! Я построила свою жизнь, свою работу, свою...

— Свою библиотеку, да, — перебила мать. — Свои книги.

Свою скучную, серую жизнь, где единственный мужчина — это кот, которого ты подобрала на помойке.

Эльвира побледнела.

— Не смей трогать Барсика.

— Я не трогаю Барсика. Я трогаю тебя. Ты нужна семье.

Один вечер. Просто посидишь, покиваешь, скажешь пару фраз. Ренат на Эмму даже не смотрит — им этот брак нужен так же, как нам. Деловой вопрос. Он даже не заметит подмены.

— А если заметит?

Мать усмехнулась.

— Ренат считает Эмму пустоголовой куклой. Он никогда не всматривался в неё настолько, чтобы отличить от тебя. Для него все женщины на одно лицо, если под ними нет выгоды.

Эльвира молчала. Внутри всё кипело, но где-то глубоко, под слоем обиды и гнева, шевельнулось что-то другое. Любопытство? Азарт?

Она ни разу в жизни не была на таких ужинах. Ни разу не надевала платья дороже трёх тысяч. Ни разу не смотрела в глаза мужчинам, у которых счёт в банке — как годовой бюджет небольшой страны.

— Один вечер, — повторила мать. — Потом можешь возвращаться к своим книжкам.

Эльвира перевела взгляд на вешалку с платьем, которое мать уже приготовила. Чёрное. Простое. Дорогое. Эммин

вкус.

— Я ненавижу тебя, — тихо сказала она. — И её. И отца. И всю нашу семью.

— Я знаю, дорогая, — мать чмокнула её в щёку, не задев ни одного миллиметра макияжа. — Одевайся. Машина через час.

Час спустя Эльвира стояла у зеркала и не узнавала себя.

Платье сидело идеально. Волосы уложены так, как она никогда не умела. Глаза подведены, губы накрашены, и оттуда, из зеркала, на неё смотрела Эмма.

Та самая красивая, успешная, любимая Эмма, у которой всё было легко.

— Ненавижу, — прошептала Эльвира своему отражению. — Ненавижу, что я так похожа на тебя.

Она взяла клатч, сумочку-недотёпу, в которую даже книга не влезала, и вышла.

У подъезда ждал чёрный автомобиль. Дорогой. С затемнёнными стёклами.

Шофёр открыл дверь. И Эльвира увидела его.

Ренат.

Вживую он был страшнее, чем на фотографиях в журналах. Не страшнее — серьёзнее. Тяжелее. В нём не было той глянцевої гладкости, которой блестели модели с обложек. Была порода. Хищная, опасная, породистая.

Он даже не повернул головы, когда она села рядом.

— Опоздала, — сказал он сухо.

— Прости, — выдохнула Эльвира. Голос сел на октаву ниже, чем надо. Она прокашлялась.

Ренат скосил взгляд. Секунду посмотрел на неё. Отвернулся.

— Духи новые? — спросил равнодушно.

— Да.

— Раньше лучше пахло.

Эльвира внутренне усмехнулась. Эмма лила на себя половину флакона за раз. Сама Эльвира пользовалась только лёгкими, едва уловимыми ароматами. Если он заметил разницу — плохо. Если нет — отлично.

Машина тронулась.

Всю дорогу они молчали. Ренат смотрел в телефон. Эльвира смотрела в окно и молилась всем богам, чтобы этот вечер кончился побыстрее.

Ресторан оказался закрытым частным особняком в центре города. Мрамор, хрусталь, картины на стенах — такие дорогие, что их даже страшно рассматривать.

За длинным столом уже сидели люди. Много людей. Все дорого одетые, все с одинаковыми приклеенными улыбками.

— Мои родители, — коротко бросил Ренат, кивая на пожилую пару во главе стола. — Дядя, тётя, кузены. Не запоминай — всё равно не пригодятся.

Эльвира кивнула. Запоминать она привыкла. Это была её работа — запоминать. Тысячи книг, сотни авторов, десятки сюжетов. Не запомнить десяток лиц было бы странно.

Ужин начался.

Суп. Рыба. Мясо. Десерт. И всё это под аккомпанемент пустых светских разговоров.

— Эмма, дорогая, как твой бутик? — спросила тётя.

— Хорошо, — ответила Эльвира, вспоминая, что у Эммы действительно был бутик, который она открыла на папины деньги и которым никогда не занималась.

— А говорят, вы с Ренатом после свадьбы планируете в Европу?

— Посмотрим.

— А правда, что ты коллекционируешь сумки? У тебя же там целая комната?

Эльвира чуть не поперхнулась вином. Целая комната сумок. Господи, как люди вообще до такого доживают?

— Да, — выдавила она. — Комната.

Ренат рядом даже ухом не повёл. Ел мясо, смотрел в тарелку, изредка кивал на вопросы. Ему действительно было плевать.

А потом случилось то, чего никто не ждал.

Дядя Рената, грузный мужчина с тяжёлым взглядом, отодвинул тарелку и вдруг спросил:

— А скажи-ка мне, девочка, что ты думаешь о нынешней ситуации на Ближнем Востоке? Вот Ренат считает, что нам туда не надо лезть, я считаю — надо. А ты?

За столом повисла тишина.

Эльвира увидела, как мать Рената побелела. Как тётя при-

крыла рот салфеткой. Как сам Ренат впервые за вечер поднял голову и посмотрел на неё.

С таким выражением, будто ждал, что пустоголовая кукла сейчас сморозит какую-нибудь глупость.

Эльвира вдруг почувствовала злость.

На них. На него. На Эмму. На всю эту фальшивую семью, где важнее знать про сумки, чем про мир.

Она положила вилку. Вытерла губы. И сказала:

— Я думаю, что ситуация там — прямое следствие распада колониальной системы и искусственно проведённых границ, которые не учитывали этнический и религиозный состав населения. Британия и Франция в своё время нарисовали карты так, как было удобно им, а теперь мы пожинаем плоды. Вмешиваться военным путём — значит повторить их ошибку. Но и не вмешиваться — значит дать разрастись конфликту, который рано или поздно придёт к нам. Вопрос не в том, лезть или нет. Вопрос в том, как выстраивать дипломатию так, чтобы через пятьдесят лет наши дети не спрашивали, почему мы ничего не сделали.

Тишина стала абсолютной.

Кто-то из кузенов поперхнулся вином.

Тётя выронила вилку — та звякнула о тарелку, как удар колокола.

Мать Рената смотрела на неё с открытым ртом.

Дядя медленно откинулся на спинку стула и вдруг... заплодировал.

— Bravo, — сказал он. — Bravo, девочка. Ренат, ты слышал? А ты говорил — кукла.

Ренат молчал.

Он смотрел на Эльвиру так, будто видел впервые.

И в этом взгляде больше не было скуки.

Там было что-то другое.

Что-то, от чего у Эльвиры внутри всё сжалось в тугую, болезненный узел.

— Откуда? — спросил он тихо, только для неё.

— Книжки читаю, — ответила она так же тихо. — В отличие от некоторых.

Его бровь дёрнулась. В глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

А потом он улыбнулся.

Впервые за весь вечер.

И Эльвира поняла — она пропала.

Глава 2. Чужая роль

Она пришла в себя только в машине.

Стекло было холодным, лоб — горячим. Эльвира прижалась виском к тонированной поверхности и пыталась вспомнить, как дышать.

Что это только что было? Зачем она это сказала? Зачем открыла рот?

— Ты как? — голос Рената вырвал из оцепенения.

— Что? — она дёрнулась, выпрямилась. — Нормально.

Он смотрел на неё. В темноте салона его глаза казались чёрными, бездонными.

— Нормально, — повторил он. — Ты только что разнесла в пух и прах моего дядю, который тридцать лет проработал в МИДе. Дядю, который никого не слушает, потому что считает, что все вокруг дураки. А ты ему выдала такое, что он сейчас, наверное, едет домой и пересматривает свои взгляды на жизнь. И говоришь — нормально?

Эльвира сглотнула.

Она переиграла. Глупая, глупая, глупая! Эмма никогда не говорила о политике. Эмма вообще ни о чём не говорила, кроме шмоток и вечеринок. А она, идиотка, взяла и вывалила всё, что думала, потому что её задел этот снисходительный взгляд.

— Я... — она попыталась улыбнуться той улыбкой, кото-

рую видела на фотографиях сестры. — Прочитала где-то. Случайно. В интернете.

— В интернете, — повторил Ренат. Пауза. — Ага.

Он отвернулся к окну.

Эльвира выдохнула. Кажется, поверил.

Она ошиблась.

Он не поверил. Он просто решил, что это случайность. Что пустоголовая невеста где-то наткнулась на умную статью, запомнила пару фраз и вовремя их вставила. Такое бывает. Даже у кукол бывают проблески.

К тому же ему было всё равно. Этот брак — сделка. Она — часть сделки. Не больше.

Так думал Ренат.

А Эльвира думала о том, что чуть не провалила миссию в первый же вечер. И что ей капец как повезло, что он такой... равнодушный.

Три дня прошли в тишине.

Эльвира жила в квартире Эммы — огромной, бездушной, пахнущей чужими духами и чужой жизнью. Она трогала чужие вещи, спала в чужой постели, смотрела чужое телевидение. И каждый вечер звонила матери с одним и тем же вопросом:

— Эмма объявилась?

— Нет.

— А если она не объявится вообще?

— Тогда ты заменишь её насовсем.

От этих слов кровь стыла в жилах.

На третий день позвонил Ренат.

— Завтра приём у моих партнёров. Надо быть.

— Хорошо, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал как у Эммы — капризно, лениво, беззаботно.

— Буду за тобой в семь. Будь готова.

Короткие гудки.

Он даже не спросил, как у неё дела. Не поинтересовался, хочет ли она вообще куда-то идти. Просто приказ.

Эльвира посмотрела на себя в зеркало. На ней была домашняя футболка Эммы — шёлковая, с дурацкой надписью "Diva". Волосы собраны в пучок. Ни грамма косметики.

В этом зеркале она была собой.

А завтра снова придётся быть чужой.

Приём проходил в загородном доме.

Эльвира думала, что после первого ужина её уже ничем не удивить. Наивная.

Там было сто человек. Минимум. Хрусталь, золото, оркестр, еда, которую страшно есть, потому что каждый кусочек стоит как её месячная зарплата.

Ренат вёл её под руку, кивал знакомым, изредка представлял — "моя невеста". Люди улыбались, цедили комплименты, и Эльвира чувствовала себя экспонатом в музее. Смотрите, какая красивая кукла. Трогать можно, но осторожно — дорогая.

— Шампанского? — спросил Ренат, когда они останови-

лись у окна.

— Да.

Он ушёл к бару. А она осталась одна.

И тут же к ней подлетела стайка женщин. Жёны партнёров, подруги, светские львицы — все одинаковые, как на подбор. Дорогие, ухоженные, с одинаковыми улыбками.

— Эмма, дорогая! Ты так похудела!

— Это платье Prada? Потрясающе!

— А мы слышали, вы с Ренатом после свадьбы...

— Девочки, дайте ей сказать!

Они щебетали, как птицы, и Эльвира механически кивала, улыбалась, отвечала односложно. Эмма бы так и сделала. Эмма бы просто сияла и молчала, потому что говорить ей было не о чем.

Но тут одна из женщин — та, что была постарше, с хищным прищуром — вдруг спросила:

— А правда, что Ренат хочет расширяться на азиатский рынок? Мой муж говорит, это безумие, там свои заморочки. А ты что думаешь?

Эльвира замерла.

Это была ловушка. Она чувствовала это кожей. Женщина смотрела на неё с насмешкой — проверяла, знает ли "кукол-ка" хоть что-то о делах жениха.

Надо было отшутиться. Сказать что-то типа "а я в дела не лезу". Эмма бы так и сделала.

Но Эльвира вдруг вспомнила взгляд Рената три дня назад.

Тот самый, когда он впервые посмотрел на неё как на человека. И внутри что-то щёлкнуло.

— Думаю, — сказала она медленно, — что азиатский рынок — это не про расширение. Это про выживание. Европа перенасыщена, Америка закрывается пошлинами. Если Ренат не зайдёт в Азию сейчас, через пять лет его съедят конкуренты. Вопрос не в том, хочет он или нет. Вопрос в том, с кем он туда пойдёт. Одному там делать нечего.

Тишина.

Женщины смотрели на неё с открытыми ртами.

Та, что спрашивала, поперхнулась шампанским.

А за спиной Эльвиры раздался низкий, знакомый голос:

— И с кем же мне туда идти?

Она медленно обернулась.

Ренат стоял в двух шагах. С бокалом шампанского в руке. И смотрел на неё так, будто видел впервые в жизни.

— Ренат, я... — начала она.

— Нет, правда, — перебил он. — Ты так уверенно говоришь. Просвети. С кем?

Стайка женщин мгновенно рассосалась, оставив их вдвоём посреди зала. Эльвира чувствовала, как горят щёки.

— Это просто... я читала...

— Где? — он шагнул ближе. — В интернете? Случайно? Опять?

— Да, — выдохнула она.

Ренат смотрел на неё долго. Очень долго.

— Знаешь, Эмма, — сказал он наконец. — Я три года знаком с тобой. Три года ты не сказала ни одного умного слова. А за последние три дня — два раза. Совпадение?

У Эльвиры оборвалось сердце.

— Я...

— Молчи, — он поднял руку. — Я не спрашиваю. Мне всё равно. Хочешь притворяться умной — притворяйся. Мне это даже нравится.

Он взял её за подбородок. Так же, как тогда Марк в той истории, но по-другому. Мягче? Нет. Требовательнее.

— Но запомни, — его голос стал тише. — Если ты что-то скрываешь, я всё равно узнаю. Рано или поздно. Я всегда узнаю.

Он отпустил её. Развернулся и ушёл в толпу.

А Эльвира осталась стоять у окна, сжимая в руках бокал, и чувствовала, как внутри всё дрожит.

Он не раскусил. Но он близко.

Очень близко.

И что самое страшное — она почему-то хотела, чтобы он раскусил. Чтобы он увидел ЕЁ, а не Эмму. Чтобы этот тяжёлый, требовательный взгляд принадлежал ей — тихой, серой, незаметной Эльвире, которая только и умеет, что читать книжки.

— Дура, — прошептала она себе под нос. — Дура, дура, дура.

Но в глубине души уже знала: завтра она снова скажет что-

то, что нельзя говорить Эмме. Потому что молчать, когда есть что сказать — выше её сил.

А Ренат будет смотреть.

И с каждым разом — всё внимательнее.

"Охота началась"

Глава 3. Чужие правила (от лица Рената)

Я ненавижу эту часть города.

Честно. Маленькие улочки, вечные пробки, люди, которые переходят дорогу там, где им вздумается, и эти дурацкие кафешки с выносными столиками, которые лезут прямо на тротуар.

Но здесь ближайший путь в объезд пробки на набережной. Мой водитель, Ильяс, знает все маршруты, и иногда они пролегают через такие вот... районы для хипстеров и книжных червей.

— Направо? — спрашивает Ильяс.

— Направо, — подтверждаю я, не отрываясь от отчёта в планшете.

Цифры. Графики. Прогнозы. Обычный вторник.

И вдруг:

— Ренат Маратович, смотрите-ка, — Ильяс притормаживает.

Я поднимаю голову. И всё внутри замирает.

Она.

Эмма. Моя невеста. Стоит на тротуаре у входа в какое-то старое здание с вывеской «Городская библиотека имени Чехова».

Только это не Эмма. Не та Эмма, которую я знал три года. Волосы собраны в небрежный пучок. Ни грамма косметики на лице. Простое лёгкое платье, почти воздушное, и балетки — балетки, господи! — на ногах. Она никогда не носила балетки. Она говорила, что без каблуков чувствует себя голый.

А потом я вижу его.

Мужчина подходит к ней. Обычный такой, ничего особенного — свитер, очки, взлохмаченные волосы. Типичный интеллигент-книголюб.

Они обнимаются.

Не по-дружески. Не чмок-чмок в щёчку, как это делают в нашем кругу. А по-настоящему. Крепко. Долго. Она утыкается носом ему в плечо, а он гладит её по спине, как самую родную.

Потом они берутся за руки. Сплетают пальцы. И вместе заходят в эту чёртову библиотеку.

— Едем, — говорю я Ильяс. Голос звучит глухо, чужим.

— Куда, Ренат Маратович?

— Прямо. Нам налево. Едем.

Машина трогается. А у меня в голове — пустота. Только картинка стоит перед глазами: её улыбка. Та самая, с которой она вошла в библиотеку. Так она мне никогда не улыбалась.

Никогда.

— Кофе хотите? — спрашивает Ильяс через полчаса. Мы уже давно выехали из этого района, подъезжаем к офису.

— Да, — отвечаю я. И тянется рукой к стакану.

Стакан падает.

Кофе заливает отчёт. Бумага темнеет на глазах, цифры расплываются, превращаются в грязные кляксы.

— Вот дерьмо, — говорю я вслух.

Ильяс косится в зеркало. Он знает меня десять лет. Он видел меня в разных ситуациях. Но чтобы я ругался из-за пролитого кофе? Никогда.

Я откидываюсь на сиденье и закрываю глаза.

Что это было? Почему меня так зацепило?

Мы договаривались. С самого начала. Этот брак — бизнес. Никаких чувств, никакой ревности, никаких обязательств кроме официальных. У каждого своя жизнь, свои интересы, свои люди. Главное — не светиться в СМИ и не позорить фамилию.

Я сам это предложил. Я сам это подписал.

Эмма согласилась. Слишком легко, если честно. Тогда я подумал — ну и отлично. Идеальная жена. Красивая, не мешает, не лезет в душу.

А теперь оказывается, что она кому-то улыбается так, как мне — никогда.

Она вообще какая-то другая стала в последние дни. Говорит умные вещи. Смотрит иначе. Смотрит... в глаза. Раньше она смотрела сквозь меня. А теперь — в самую душу.

И сегодня. В этом уродском платье, без косметики, с этим смешным пучком. Она была красивее, чем во всех своих ди-

зайнерских нарядах на всех приёмах, вместе взятых.

— Чёрт, — снова говорю я.

В офисе я не могу работать. Цифры плывут. Мысли возвращаются к этой библиотеке. Кто этот мужик в очках? Давно они вместе? Почему я ничего не знал?

А главное — почему мне не всё равно?

Вечером я еду домой. Один. Отпускаю Ильяса пораньше. И всю дорогу ловлю себя на том, что ищу её глазами.

Глупо. Она не может здесь быть. Она там, в своей квартире, в своём мире, куда у меня нет доступа.

Но когда я подхожу к дверям своего пентхауса — того самого, где мы будем жить после свадьбы, — я вдруг понимаю, что хочу ей позвонить.

Просто спросить: как дела? Как прошёл день?

Я не звоню.

Я захожу в пустую квартиру, наливаю виски и долго смотрю в окно на огни города.

И перед глазами снова — её улыбка. Чужая улыбка. Не для меня.

Знаешь, что самое дерьмовое во всём этом?

Я сам поставил правила.

Я сам сказал: «Никаких чувств, это просто сделка».

А теперь эти же правила бьют меня под дых.

И я ничего не могу сделать. Потому что если я сейчас начну задавать вопросы, если я скажу, что видел её с другим, — я признаю, что мне не всё равно. А признавать это нельзя.

Потому что чувства в нашем мире — это слабость. А слабость убивает.

Я допиваю виски и иду в душ. Вода обжигает, но мысль не уходит.

Кто он? Как долго? Почему она с ним такая... живая?

И главный вопрос, который я боюсь себе задать:

А если я захочу, чтобы она так улыбалась мне?

Что тогда?

Первый раз (от лица Рената)

— Её присутствие необязательно.

Я смотрю на своего зама и киваю. Он прав. Приём у французского посла — мероприятие протокольное, скучное, для узкого круга. Жёны там обычно не присутствуют, если только это не официальный выход в свет.

— Она поедет со мной, — говорю я.

Заметно, как у парня дёргается бровь. Он знает правила. Мы все знаем правила. Эмма никогда не ездила на такие встречи. Зачем? Там даже папарацци нет, не перед кем светиться.

— Ренат Маратович, но обычно...

— Я сказал.

Он замолкает и утыкается в бумаги.

А я ловлю себя на мысли, что ищу повод. Просто повод её увидеть. Не на официальном ужине, где вокруг сто человек и она снова наденет маску идеальной невесты. А так... просто. Рядом.

Повода нет. Ни одного грёбаного повода.

Кроме того, что я хочу её видеть.

Вечером я заезжаю за ней.

Она выходит в лифт, и у меня перехватывает дыхание. Снова это дурацкое лёгкое платье — сегодня голубое, почти невесомое. Волосы распущены, падают на плечи. Минимум косметики.

— Это не тот приём, где нужно быть, — говорю я вместо приветствия. — Я просто... решил, что ты составишь компанию.

Она смотрит удивлённо.

— Хорошо, — говорит просто.

И садится в машину.

Всю дорогу молчим. Я чувствую её запах — тот самый, новый, лёгкий. Не тот тяжёлый парфюм, который она лила на себя раньше. Этот едва уловимый, свежий. Я вдыхаю и не могу надышаться.

— Ты сменила духи? — спрашиваю.

— Да, — отвечает. И отворачивается к окну.

Врёт. Я знаю, что врёт. Она сменила их три года назад? Неделю назад? Я не помню, когда именно. Но точно не сегодня.

И мне плевать.

Приём скучный, как я и обещал. Французы говорят по-французски, наши кивают, пьют вино, обсуждают контракты. Эмма стоит рядом, улыбается, когда надо, молчит, когда

можно молчать.

Идеальная жена.

Только я не могу смотреть ни на кого, кроме неё.

В какой-то момент я замечаю, что моя рука сама ложится ей на талию. Просто так. Без причины. Она чуть заметно напрягается, но не отстраняется.

Тонкая. Горячая даже сквозь ткань. Мои пальцы будто запоминают это тепло.

— Потанцуем? — спрашиваю.

Она поднимает на меня глаза. В них удивление. Ещё бы. Три года — ни одного танца. И вдруг.

— Здесь же нет музыки, — говорит тихо.

— Будет.

Я киваю распорядителю. Через минуту играет что-то медленное, тягучее, как мёд.

Мы выходим в центр зала. Люди расступаются, смотрят. Плевать.

Я кладу руку ей на талию. Она кладёт руку мне на плечо. Мы движемся медленно, почти не касаясь друг друга, но я чувствую каждый её вдох, каждое движение.

— Ты сегодня красивая, — говорю. Глупость, конечно. Она всегда красивая. Но сегодня... сегодня особенно.

— Спасибо, — шепчет она.

И не смотрит на меня. Глаза в сторону. Ресницы дрожат.

Я наклоняюсь ближе. Ещё ближе. Мои губы почти касаются её уха.

— Я поцелую тебя сейчас, — шепчу. — Не отталкивай.
Она замирает.

Я чувствую, как участился её пульс — там, где мои пальцы лежат на её запястье. Чувствую, как пересохло в горле. Чувствую, что сам еле дышу.

Медленно, чтобы дать ей шанс отстраниться, я поворачиваю её лицо к себе. Встречаю взгляд. Там страх? Ожидание? Я не знаю. Не могу прочитать.

И целую.

Это не тот поцелуй, которым мы обменивались раньше — официальный, сухой, для проформы. Это другое.

Её губы мягкие, тёплые, чуть приоткрытые навстречу. Она не отстраняется. Наоборот — на долю секунды прижимается ближе.

В голове взрывается фейерверк.

Я целовал её раньше. Сотню раз. На презентациях, на встречах, на глазах у родителей — сухие поцелуи в щёку, в губы, быстрые и ничего не значащие.

Но такого не было.

Никогда.

Что это? Откуда? С каких пор она стала для меня не просто частью сделки, а... этим?

Я отрываюсь от неё и вижу, как горят её щёки, как блестят глаза. В них что-то такое, отчего у меня внутри всё переворачивается.

И тут — вспышка.

Сранный папарацци. Откуда он здесь взялся? На этом закрытом приёме, куда вход только по спискам?

— Твою мать, — выдыхаю я.

Эмма вздрагивает, отстраняется. Я прижимаю её к себе, загораживая от камеры, но поздно. Щелчок уже прозвучал. Снимок уже улетел в редакцию.

— Прости, — говорю я. И сам не понимаю, за что извиняюсь. За поцелуй? За то, что нас сняли? За то, что не удержался?

— Ничего, — шепчет она. — Это же просто... повод.

Просто повод.

Самое дешёвое оправдание для поцелуя, которое только можно придумать. «Нас снимают». Я сам его только что использовал. И мы обе знаем, что это ложь.

Я целовал её не потому, что нас снимали.

Я целовал её потому, что не мог больше терпеть.

Потому что три дня думал о ней.

Потому что видел её с другим и готов был разнести ту чёртову библиотеку по кирпичику.

Потому что она мне снилась. Каждую ночь.

А теперь стою и прикрываюсь дурацким оправданием, как последний трус.

— Поехали ко мне, — говорю вдруг.

Она поднимает глаза. В них вопрос. И надежда? Или мне кажется?

— Новости уже пойдут, — добавляю я, сам себе против-

ный. — Надо, чтобы нас видели вместе. Входящими и выходящими.

Господи, какой же я идиот. Я, Ренат Холодный, который никогда ни перед кем не оправдывался, сейчас несу какую-то чушь, лишь бы она согласилась.

— Хорошо, — говорит она тихо.

Просто «хорошо».

И мы едем.

Всю дорогу молчим. Я чувствую её рядом, чувствую тепло, которое идёт от неё, и боюсь дышать. Боюсь спугнуть.

У входа в пентхаус нас действительно встречает вспышка — кто-то дежурит. Отлично. Теперь у нас есть алиби.

Мы заходим внутрь.

Дверь закрывается.

И мы остаёмся вдвоём.

Она стоит в прихожей, мнет край платья, не знает, куда деть руки. И такая... такая...

Я делаю шаг к ней.

— Эмма...

Она поднимает глаза. В них слёзы? Нет, не слёзы. Блеск.

— Можно я побуду сегодня не Эммой? — спрашивает вдруг.

Я не понимаю вопроса. Совсем.

— Ты о чём?

Она качает головой, улыбается грустно-грустно:

— Ни о чём. Просто... можно я просто побуду?

Я смотрю на неё и чувствую, как внутри всё переворачивается.

— Можно, — говорю. — Будь кем хочешь.

Она делает шаг навстречу.

Сама.

И я понимаю, что пропал окончательно.

Потому что теперь уже не важно, кто она. Не важно, что было раньше. Не важно, какие там правила и договорённости.

Важно только то, что она здесь. Со мной. И смотрит так, будто я — единственный человек в этом мире.

Я протягиваю руку и касаюсь её щеки.

Она закрывает глаза.

И я понимаю, что эту ночь не забуду никогда.

Глава 5. Настоящая (от лица Рената)

Она стоит в двух шагах, и я не знаю, что делать дальше.

Странное чувство. Я, который всегда знает, всегда контролирует, всегда на шаг впереди — сейчас потерян. Как мальчишка. Как идиот.

— Ты хочешь кофе? — спрашиваю. Голос хриплый, чужой.

Она качает головой.

— Воду? Вино? — я киваю в сторону гостиной. — Там бар.

— Ренат, — говорит она тихо.

И это моё имя в её устах звучит иначе. Не так, как раньше. Теплее. Ближе.

— Я не хочу кофе. И вина. Я хочу...

Она замолкает, кусает губу. Те самые губы, которые я целовал час назад. Кровь приливает к вискам.

— Чего ты хочешь? — спрашиваю. Шаг к ней.

— Я хочу перестать бояться, — шепчет она.

— Чего?

— Что это сон. Что ты исчезнешь. Что я открою глаза и снова буду... не здесь.

Я не понимаю до конца, о чём она. Но чувствую — ей

страшно. По-настоящему. И это не тот страх, который можно убрать деньгами или охраной.

Я протягиваю руку и касаюсь её щеки. Она прижимается к ладони, как кошка. Глаза закрыты.

— Я здесь, — говорю. — Я никуда не уйду.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Она открывает глаза. В них блестят слёзы.

— Тогда поцелуй меня ещё раз. Только по-настоящему. Без камер. Без поводов. Просто... поцелуй.

Я наклоняюсь.

Этот поцелуй не похож на тот, в зале. Тот был осторожным, пробным. Этот — жадный, голодный, как будто я ждал его всю жизнь.

Она отвечает. Робко сначала, потом смелее. Её руки ложатся мне на грудь, скользят вверх, обвивают шею. Пальцы зарываются в волосы.

Я прижимаю её к себе — чувствую, какая она хрупкая, тонкая, почти невесомая. И в то же время сильная. Во всём теле скрытая пружина, готовность либо бежать, либо драться.

— Ты дрожишь, — шепчу в губы.

— Это ты меня трясёшь, — выдыхает она.

Улыбаюсь. Впервые за долгое время — искренне.

— Пойдём, — беру её за руку.

Мы идём через гостиную. Я замечаю, как она рассматри-

вает всё вокруг — книги, картины, панорамные окна. Не с жадностью, как смотрят на чужие деньги. С интересом. Как изучают.

— У тебя много книг, — говорит вдруг.

— Читаю иногда.

— Какие?

Я даже теряюсь. Никто никогда не спрашивал меня, что я читаю. Спрашивали про контракты, сделки, планы. Про книги — никогда.

— Разные, — отвечаю. — История в основном. Биографии. Иногда художественное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.